

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СКАЗКИ

Юлия Яковлева

Красный Город

Ленинградские сказки

Юлия Яковлева

Краденый город

«Самокат»

2017

Яковлева Ю.

Краденый город / Ю. Яковлева — «Самокат»,
2017 — (Ленинградские сказки)

ISBN 978-5-9175-9549-8

Ленинград в блокаде. Дом, где жили оставшиеся без родителей Таня, Шурка и Бобка, разбомбили. Хорошо, что у тети Веры есть ключ к другой квартире. Но зима надвигается, и живот почему-то все время болит, новые соседи исчезают один за другим, тети Веры все нет и нет, а тут еще Таня потеряла хлебные карточки... Выставший пустеющий город словно охотится на тех, кто еще жив, и оживают те, кого не назовешь живым. Пытаясь спастись, дети попадают в Туонелу – мир, где время остановилось и действуют иные законы. Чтобы выбраться оттуда, Тане, Шурке и даже маленькому Бобке придется сделать выбор – иначе их настигнет серый человек в скрипучей телеге. Перед вами – вторая из пяти книг цикла «Ленинградские сказки». Первая, «Дети ворона», была названа главным событием 2016 года в подростковой литературе, вошла в шорт-лист литературной премии «Ясная Поляна» и попала в международный список «Белые вороны» – среди лучших 200 книг из 60 стран.

ISBN 978-5-9175-9549-8

© Яковлева Ю., 2017

© Самокат, 2017

Содержание

Информация от издательства	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юлия Яковлева

Краденый город

1941 год

Для младшего и среднего школьного возраста

Любое использование текста и иллюстраций допускается только с письменного согласия Издательского дома «Самокат».

© Ю. Яковлева, текст, 2017

© ООО «Издательский дом “Самокат”», 2017

* * *

Информация от издательства

Ленинград в блокаде. Дом, где жили оставшиеся без родителей Таня, Шурка и Бобка, разбомбили. Хорошо, что у тети Веры есть ключ к другой квартире. Но зима надвигается, и живот почему-то все время болит, новые соседи исчезают один за другим, тети Веры все нет и нет, а тут еще Таня потеряла хлебные карточки... Выстывший пустеющий город словно охотится на тех, кто еще жив, и оживают те, кого не назовешь живым.

Пытаясь спастись, дети попадают в Туонелу – мир, где время остановилось и действуют иные законы. Чтобы выбраться оттуда, Тане, Шурке и даже маленькому Бобке придется сделать выбор – иначе их настигнет серый человек в скрипучей телеге.

Перед вами – вторая из пяти книг цикла «Ленинградские сказки». Первая, «Дети ворона», была названа главным событием 2016 года в подростковой литературе, вошла в шорт-лист литературной премии «Ясная Поляна» и попала в международный список «Белые вороны» – среди лучших 200 книг из 60 стран.

Глава 1

Ах, что это был за магазин! Настоящий дворец.

Вообще-то в этом магазине продавались не только игрушки. Но, глядя на витрины отдела игрушек, почему бы и не помечтать о том, что все шесть этажей универмага со скучным названием ДЛТ набиты сокровищами под самую крышу?

На крыше обычно сидели серые голуби. Они были чуть светлее самой крыши и чуть темнее неба. Ведь Ленинград – северный город, в нем много чего серое, особенно в плохую погоду, которая здесь и вовсе обычное дело, а с нею вместе – серые кошки, серые лужи, серые тротуары, серые пальто, серые дома. Даже в июне.

Но только не в витрине игрушек. Она сияла всегда. По вечерам в ней горели электрические лампы. От витрины на тротуар ложились прямоугольники желтого света. И всякий раз, когда человек проходил сквозь такой прямоугольник, его лицо казалось красивее, веселее и моложе. Речь, конечно, о взрослых людях. Потому что дети никак не могли вот так просто пройти мимо – ни вечером, ни днем, ни зимой, ни сейчас, в июне, на каникулах. Они непременно прилипали носами к стеклу. Или оборачивались и замедляли ход, пока мама, или папа, или бабушка, или няня не дернет за руку.

И Бобка, конечно, тоже сразу прилип. За спиной у него был маленький мешочек, на половине с тесемкой виднелась часть вышитой надписи «Бор...» – остальное терялось в складках.

Шурка решил быть старшим братом до конца: он выпустил Бобкину ладошку, а сам притворился, что уж ему-то несколько не интересно. Но исподтишка и сам поглядывал на густонаселенную витрину.

Там было на что посмотреть. Настоящая маленькая страна – с бархатистыми зелеными холмами из велюрового картона, между которыми ниточкой блестела железная дорога. Игрушечный поезд иногда запускали, и тогда он с радостью разминал колеса, а вагончики тренькали вслед паровозу – мимо кукол, барабанов, домиков, солдатиков, медных дудок, танков, самолетиков.

Бобка жадно убедился: все игрушки на своих местах. «Их не продают, – еще зимой объяснил старший брат. – Это для красоты».

Красота и правда была невероятная. Бобка приставил ладони по сторонам лица, чтобы отражение не мешало.

Завалившись на бок, лежала цветная юла. Бобка ее давно знал. Скучная особа, все мысли и мнения которой бесконечно кружили по кругу.

То тут, то там выпирали бока новеньких мячей. Особенно хорош был футбольный. Сами мячи были препустыми существами. А как иначе? – кроме воздуха их должны были заполнить мальчишеские мечты – например, мечта стать знаменитым футболистом. Кукленегритянке, сверкавшей черной пластмассой, мячи, видно, тоже нравились. Баскетбольный наверняка казался ей апельсином, мяч для регби – дыней, а футбольный напоминал окраской тропическую макаку.

Были здесь и самолетик, и заводной пароход, и его родственница заводная курочка. Если до упора закрутить ключик, торчавший у нее из спины, она прыгала и делала вид, что клюет.

Был и медицинский рожок, который норовил всех поучать, – даром что сам не настоящий, а игрушечный.

Большой барабан с цветными боками, как обычно, дремал.

А над ними всеми висели гигантские качели, прицепленные, надо полагать, прямо к небу.

Оловянные солдатики с красным знаменем «СССР» и пограничник с собакой стояли у самого стекла. Видно, стерегли границу от нарушителей. Ведь за стеклом бывало холодно, сыпали то снег, то дождь. А здесь всегда была зеленая трава.

Девчачьим игрушкам Бобка тоже уделил внимание – чтобы никого не обидеть. Нарядные куклы сидели в креслицах и прямо на бархатистой, пахнущей клеем траве, вокруг столика с игрушечным фарфоровым сервизом. Плакат «Юному рыболову», приклеенный к стенке напротив, не нравился куклам; изображенные на нем рыбы – карась, корюшка, минога, сом, камбала, щука и многие другие – были так похожи на настоящих, что казалось, от плаката пахнет рекой и мальчишками. «Фи!» – витало над столиком. Фарфоровые чашечки всегда были пусты. За это другие здешние жильцы считали кукол вруньями и кривляками. Но Бобка подумал, что и куклу он мог бы научить играть в хорошие, толковые игры: стоять на карауле, красться, брать в плен.

– Бобка, ну пойдем уже, – все-таки дернул его за руку Шурка.

Он боялся, что Бобка опять начнет просить. Хотя что-нибудь. Хотя самого маленького солдатика. Не хотелось повторять вечное тети-Верино «денег нет» или врать, что с витрины не продается.

– Идем, – повторил Шурка. – А то детский сад без тебя уедет. Ты же хочешь на дачу?

Бобка серьезно посмотрел на брата. Но ничего не попросил.

Глава 2

Трамвай зазвенел, тронулся. Шурка подождал, пока мимо, трясясь, пройдет одна дверь с черной гроздью пассажиров (все как один насупленные), потом красный трамвайный бок, потом другая дверь со своей гроздью (из этой топорщились корзины – с ними в первую дверь не пускали). В окнах трамвая отразились и проехали дома, беленькие облачка. Шурка метнулся вслед трамваю, крепко ухватился за черную, солнцем нагретую колбасу, запрыгнул и повис, уперев ноги в металлический выступ. Радостно повернул лицо к солнцу.

И в тот же миг ухо рвануло в сторону. В голову молнией ударила боль.

От неожиданности Шурка разжал руки. Но на рельсы не упал. Постовой милиционер ловко перехватил его за шиворот. И только потом испустил переливчатый торжествующий свист: есть!

Все родители и учителя Ленинграда строго запрещали детям кататься на задней сцепке трамваев. Пугали историями про мальчика (непременно мальчика), которому отрезало ноги. Пугали и малышей, только вместо мальчика был зайчик, и ему трамваем отрезало не ноги, а ножки, да и те потом пришил доктор Айболит.

Как кататься на колбасе, знали все дети Ленинграда. И все постовые милиционеры знали, как их оттуда сдергивать. Рывок, зажим, перехват.

Шуркино ухо пылало. Пылала на солнце и алая звезда на белом шлеме милиционера.

– Пустите, – дернулся Шурка.

Но рука, тащившая Шурку, ухватила за воротник так крепко, что казалось, это навсегда: так он и школу окончит, и институт, и на работу будет ходить, и женится – и все с милиционером.

Прохожие косились. Шурка напрасно пытался придать своей позе хоть какое-то достоинство.

– Вот вам каникулы. Ешьте с кашей. Безобразия одни, – продребезжал на ходу какой-то солидный дядечка. Он был в черном плаще, будто не согласен был с летом, детьми, солнцем. Такой непременно сыщется на каждой ленинградской улице.

– Вот-вот, товарищ, – с опозданием поддержал милиционер, волоча Шурку.

– Пустите!

– В отделении пушу.

При слове «отделение» внутри у Шурки все съежилось.

– Детей не арестовывают.

– Очень даже, – оживился милиционер, другой рукой дергая себя за рыжеватые усы. – И штраф выписывают. За нарушение правил дорожного движения. И мамаше сообщают по телефону.

Шурка представил, как снимает трубку тетя Вера, и ему стало тошно.

– Гражданин прав: дети должны быть заняты делом. Либо в школе, либо в лагере. А то что? Хулиганство одно. Твоя мамаша что, не знает?

Тетя Вера знала прекрасно. Она еще в апреле выслушала все про летний лагерь и даже покивала учительнице: да-да. А потом сказала: денег нет. Их хватило лишь на то, чтобы отправить на дачу Бобку. На дачу уехал весь детский сад. И теперь Бобка там небось в ус не дул среди песка и сосен, у самого моря.

– Я вот твоей матери по телефону все объясню. Проведу воспитательную работу.

Хорошо бы к телефону позвали дядю Яшу, уныло соображал Шурка.

– Уплатит штраф – тогда пускай и забирает.

Шурка представил, как тетя Вера смотрит милиционеру в глаза и говорит на это: денег нет. И что тогда?!

– Тюрьма по тебе плачет, – вещал милиционер. От солнца его белая каска казалась гипсовой. Он попробовал почесать под ней потный лоб, не сумел и рассердился: – Был советский школьник – стал преступник.

Стакан холодной воды наверняка остудил бы его взгляды на жизнь. Но тележки с водой, как назло, не было видно.

Шурка наострил уши: где-то в июньском воздухе словно зарождался гул. Но откуда он? Казалось, отовсюду сразу.

– А ну не вертись! – встряхнул его за шиворот милиционер.

Гул набух, набрал силу и завыл из репродукторов. Милиционер запнулся. Прохожие забежали во всех направлениях сразу. И воющий голос из репродукторов сумел наконец выговорить человеческие слова:

– Граждане! Тревога! Граждане! Тревога!

Голос не внушал тревоги. О том, что в районе пройдут учения, в газетах и по радио всегда предупреждали заранее. При звуках сирены полагалось оставить все дела и спуститься в подвал. Пока не перестанет вить.

– Японский городской! – немного загадочно сказал милиционер. – Совсем забыл.

И не только он, похоже. Сердясь и бранясь из-за того, что сирена прервала их дела, прохожие спешили нырнуть в ближайшую парадную и там пересидеть учебную тревогу. Машины и телеги быстро причаливали к обочинам и там замирали. Сирена выла, подгоняя всеобщий переполох. Проспект быстро пустел.

С улицы 3 июля вырулил грузовик с красным крестом. Он ехал как ему хотелось, а не как надо по правилам.

Такого постовой стерпеть не мог. Ткнул свисток в рот, надул щеки, испустил сердитую трель. Тут-то его и цапнули – за оба рукава сразу.

– Товарищ пострадавший, пройдемте к санитарной машине! И сыночка берите, – заговорили обе девушки разом, стараясь держаться серьезно.

– Идем, мальчик! – сказала Шурке одна, с круглыми смешливыми щеками. – И тебе сделаем перевязку.

– Зачем?

– Ты условно раненый, – объяснили ему.

Прыскавая, но удерживая смех, девушки повлекли негодующего милиционера к мостовой – там уже лежали носилки. По всем правилам первой помощи добычу предстояло вложить в пасть санитарному грузовику.

Милиционер крутил головой в каске.

– Гражданки, бросьте шутки! Учения учениями, а я на посту. Вы за это ответите!

– Вы бы лучше сыну пример показали, – урезонивала его девушка в повязке с красным крестом.

– А что случилось? – спросил Шурка.

Девушки переглянулись.

– А диверсантов с парашютом сбросили. И они устроили, э-э-э... – девушка с повязкой запнулась.

– Диверсию, – подсказала смешливая.

– Мальчик! Спишь ты там, что ли? – прикрикнула та, что построже. – Полезай в машину вместе с папой.

Шурка не заставил себя просить дважды. Повернулся и дал деру.

Постовой, конечно, круглый дурак, сердито думал Шурка, но он прав: скучно. Все разъехались. Казалось, он один торчит в городе. Шурка уже бы и в школу пошел. И это в чудесный июньский день!

Озабоченная толпа втекала под круглую арку с надписью «Добро пожаловать!». Женщины с сумками и корзинками, мужчины в сапогах.

На рынок билета не требовалось. А интересного было почти как в зоопарке. Живые розовенькие поросята. Разноцветные куры. Петухи в колючих шпорах, всегда в отдельной клетке, – благородные и воинственные узники. Козы с вертикальными зрачками и твердыми рожками. Лошади с длинными замшевыми губами, которыми они мягко и мокро ощупывали ладонь, а потом удивленно смотрели терпеливыми карими глазами: как, ничего? Ресницы у лошадей были поразительные – длинные и загибающиеся кверху. А еще рыбки! Чижи! Канарейки! Щенки!

«Добро пожаловать!» – приглашала арка. И Шурка пожаловал.

И вдруг присел – быстрее, чем понял почему. Мимо мелькали сапоги, туфельки, ботинки, ноги в брюках, ноги в носочках. Шурка осторожно приподнялся. Юркнул за киоск. Киоскерша тотчас покосилась на него; как бы чего не стянул – прочел в ее взгляде Шурка. Но ему на это было наплевать. Он выглянул.

Ура, тетя Вера не заметила его. Меж бровей морщинка, губы сжаты. Вид решительный, будто покупала по меньшей мере козу. Тетя Вера протянула деньги и затолкала в сумку протянутые продавцом меховые рукавицы. Шурка удивился рукавицам не меньше, чем если бы продавец подвел ей козу или коня: пухлые, неуклюжие, жаркие – кому нужны такие в июне?!

Тетя Вера шла уже между рядами. И все высматривала. Она была похожа на курицу, которая вместе с другими курами деловито ходит, роет лапкой. Пороет – посмотрит круглым глазом.

Мысль о том, что он ее видит, а она его – нет и даже не подозревает об этом, привела Шурку в восторг. Не Шурка выскользнул из-за киоска, а великий сыщик Нат Пинкертон. И взял след.

Тетя Вера остановилась у душистых насыпанных гор. От них вкусно пахло компотом.

– А яблоки почему? – услышал Шурка.

Тетя долго надоедала продавцу: а хорошо ли высушены? А сладкие ли? А эти почему? И купила самые лучшие. Протянула несколько бумажек.

В лотерею выиграла, что ли? – недоумевал Шурка. И удивился еще больше, когда тетя Вера купила вдогонку чернослив и изюм. Точно, в лотерею.

На выходе с рынка он чуть ее не потерял, но ловко подхватил след на проспекте.

Тетя зашла в булочную. Военный в нашивках любезно пропустил ее вперед к прилавку. Она купила карамель с розовым раком на фантике. Но на этом не остановилась. Шурка даже засмеялся тихонько. На лице военного он увидел нетерпение и досаду: вот так проявил вежливость, вот так влип! А тетя все допытывалась у продавца:

– А печенье как? Не заплесневевает?

– Вы, гражданка... – не выдержал военный и помотал головой, словно силясь вытряхнуть из памяти нужное слово.

– Тогда и печенье дайте, – показала тетя.

Продавец бросил на прилавок две пачки. Тетя Вера жестом его поправила. Продавец удивленно стукнул на прилавок еще две пачки, и еще две, и еще.

– Вы просто какая-то... сладкоежка! – выпалил наконец военный и бросился вон, едва не сбив Шурку.

Давно у них дома не водилось сладкого. А тут тетя пустилась во все тяжкие. Вот молодец! – радовался Шурка. Выиграла – и теперь готовила им всем сюрприз. Пир. Вот так тетя Вера!

Только что это она все покупает много одинакового? – заволновался он. Зачем так много печенья? Одной пачки хватит. Лучше не печенье, а пять сочных пирожных с кремом: два ему,

два Тане, ну а Бобке хватит одного – маленьким вредно сладкое. А взрослым оно и вовсе ни к чему.

Шурка едва успел отскочить и спрятаться. Тетя Вера вышла, обнимая коричневый бумажный пакет.

Следующую остановку она сделала в аптеке. Просочиться следом было невозможно: над дверью висел колокольчик. Шурка глядел через окно. Он видел, как аптекарь вскинул брови, потом долго отсчитывал упаковки с таблетками. Перетянул их резинкой. Заболела? – удивился Шурка. Но сообразил, что это витамины. Понятно: в последнее время тетя выглядела серой и усталой.

Может, выскочить, заорать «Ура! Поздравляю!» – и помочь с пакетами? Вон как она для них старается. Аж в спине перегнулась, и лицо красное.

Но Нат Пинкертон победил.

Тетя шла и шла. Великий сыщик с нежностью смотрел на ее согнутую спину. Ах, тетечка Верочка! – радовался он, ведя след. И представлял: печенье в вазочке, шоколад в другой, из сушеных фруктов – компот, а карамель можно и так. Праздничный стол был готов.

Но тетя Вера все не шла в сторону дома. Сворачивала в переулки. Снова выходила на широкие улицы. Брела дальше. Что это она носится как угорелая, недоумевал Пинкертон, и так ведь всего много. Он уже сам устал.

Наконец тетя Вера замедлила шаг. Бросила взгляд через плечо, потом другой. Шурка замер за фонарным столбом, вжал живот. Потом осторожно высунул нос.

Тетя вошла на почту. Самое главное отделение. Главпочтамт.

Шурка заметил толстую старуху в цветастом платье. Неслышно пристроился за ней. Юркнул внутрь. Шмыгнул за столб. В центре огромного гулкого зала крыша была стеклянной: на звонком полу в шашечку стояли большие и легкие солнечные кубы. На скамейках люди обмахивались газетами.

Тетя Вера встала в очередь. Шурка дождался, пока она подойдет к окошку.

Она что-то сказала. Ей что-то сказали. Шурка осторожно проскользнул за другой столб – поближе.

Блеснула лысина: мужчина в черных нарукавниках перегнулся из-за прилавка, посмотрел, кивнул. Ушел. Пришел. Поставил на прилавок небольшой ящик.

– Красноярский край? – уточнил он.

Тетя Вера поставила в ящик один пакет. Уложила другой. Скорила ящику сушеные яблоки. И изюм. И печенье. Шурка глазам своим не верил. Поверху легли меховые рукавицы.

– Готово?

Тетя Вера кивнула. Лысый приемщик быстро накрыл все это крышкой с клыками гвоздей и бахнул несколько раз молотком. Холщовый мешок чулком напоз на ящик. Приемщик быстро прихватил края грубыми стежками, щелкнул ножницами. Вкусно зашипел сургуч. Лысый ляпнул его на коробку палочкой – тут, здесь, там. Стукнул по нему печатью – тут, здесь, там.

Тетя Вера протянула радужные бумажки.

– Почтовые переводы в другом окне.

Лысый крикнул и перетащил тетину коробку – уже не тетину – к другим.

Шурка беспомощным взглядом проводил ее навсегда. Этого не может быть, думал он. Обида стиснула желудок. Допустим, он ослышался. Не в Красноярский край, а в Краснодарский. Какая разница? Ни там, ни там у них все равно никого не было. Ослышался или нет, но посылка оставалась посылкой. И радужные бумажки были деньгами и ничем другим.

Для кого-то чужого тетя Вера почему-то нашла и вкусненькое, и деньги. А им, родным людям, только и твердит: дороговато, денег нет. Нет?!

Шурка обозлился. Настоящая, родная мама так бы никогда не поступила!

И вдруг в голове охнуло. Стало так ясно, будто кто-то сказал ему в самые уши. Шурка не успел подумать «не может быть», не успел заткнуть этот голос, как он с той же окончательной ясной силой рявкнул: может.

У тети Веры была своя тайная жизнь. И хорошей эта тайна не была.

Глава 3

- Это точно здесь? – спросила Таня.
- Точно-точно, – заверила ее Люська. – Ну? Чувствуешь?
- Таня не чувствовала ничего.
- Да ты глаза закрой! – приказала Люська.
- И Таня закрыла.
- Ну?

Таня слышала негромкий плеск воды – не звонкий, как в центре Ленинграда, а вялый, плюхающий. Пованивало. Больше Таня не ощутила ничего.

Ей надоело, и она открыла глаза. Вода в канале была мутной, бурой. Он и назывался подходяще: Обводный. Вода несла мусор. Дома на набережной напротив были как запыленные животные, которые много дней шли на водопой, пришли – и обнаружили, что пить эту воду нельзя. Стоят и не верят. А сил пошевелиться, сделать что-нибудь уже нет. Каменными хоботами тянулись вверх трубы.

- Как? Тянет? – спросила Люська, не поворачивая головы. Она крепко зажмурила глаза.
- Куда?
- В воду кинуться.

Таня скривилась от отвращения. Мимо проплыло вздутое нечто; не хотелось и думать, что именно.

- Нет, – честно призналась она.
- Должно. – И замогильным голосом начала: – Раньше здесь было кладбище.
- Дура какая, подумала Таня.
- Люська, ладно. А эта Котя – она...
- Да погоди ты! Карельское. Древнее, – не унималась Люська. – И рабочие его нашли, когда копали, и выбросили все на свалку. А камни на поребрик пустили.
- Брехня, – оборвала ее Таня. Ее интересовало другое: – А кого еще Котя пригласила?
- Люська лишь пожала плечами, словно отмахиваясь.
- И не брехня. Говорю же – советские рабочие. Как кладбище разрушили, так в то же лето люди начали здесь кидаться в воду.

– Скажи, а Котя...

Люська распахнула глаза.

– Не брехня, говорю! Почти сто человек убились. Мне мать рассказывала. Это в двадцать третьем году было. А в тридцать третьем снова – бабах! Опять все кидаться начали. Милиция даже дежурила. И все без толку. Больше сотни тут утопилось.

Таня посмотрела на сонную мутную воду. Утонуть здесь? Наглотаться этой воды? Ее передернуло.

В Люськиной истории не все концы сходились с концами.

– И что, милиция дежурила – и никого не спасли? Это как?

– Кого-то спасли. Расспросили. Так там еще хуже: они, говорят, кидаться и не думали. А только шли мимо, и вдруг тошно им стало, и будто толкал кто-то: кинься да кинься.

– Это тебе тоже мама рассказала?

– Ну.

Мать у Люськи работала на заводе, читать почти не умела и даже в церковь бегала. С ней все было ясно.

– Так что мы Коте подарим?

Денег у Тани не было, просить тетю Веру было бессмысленно.

Люська опять пожала плечами. Но уже с другим выражением.

- А ей подарки ни к чему.
- День рождения же, – удивилась Таня.
- А они богатенькие.

Таня хотела возразить: что за чушь? В Советском Союзе богатых нет, все равны. Но Люська неожиданно согласилась:

- Вообще ты права.
- Подняла пятерню, загнула мизинец.
- Первый раз в двадцать третьем году, так?
- Загнула безымянный палец.
- Потом в тридцать третьем.
- И радостно объявила:
- Ничего здесь сейчас и не будет! Два года еще ждать, ясно? Придем сюда в сорок третьем.
- Ха.
- Чего?
- В сорок третьем нам будет пятнадцать.
- Она хотела сказать: некогда будет всякими глупостями заниматься.
- Танюша! – удивленно окликнул голос позади.

Таня обернулась.

Павел Андреевич держал велосипед за рога. Похоже, он только что вывел его из парадной. От улыбки, как обычно, расходились лучики-морщины.

- Как ты здесь оказалась? – весело удивился он.

Павел Андреевич был учителем. В прежней Таниной школе. Еще до всего.

- Вы кто? – набычилась Люська.

В школе Павла Андреевича обожали. Он был, как говорили, нормальный. Не то что остальные учителя. Он все понимал.

Таня обрадовалась. Ей хотелось спросить его, как там эта, как тот, как все.

Внезапно Павел Андреевич приоткрыл дверь в подъезд, сунул голову, покрутил туда-сюда. Убедился: никого. И вынырнул обратно совершенно другим человеком.

- А ты уже вернулась от мамы?

Слова у Тани замерзли во рту. А Павел Андреевич все так же улыбался.

- Тетя твоя сказала, что вас всех троих к маме отослала.
- К маме? – удивленно переспросила Люська и посмотрела на Таню.

Павел Андреевич не унимался:

- Куда твои тетя с дядей переехали? Не знаешь?

Таня покачала головой: нет.

«Говорят, твои родители – враги народа», – просвистел в ушах у Тани давний шепоток соседей в их прежней квартире. И учителей в их прежней школе. Стоял с ними Павел Андреевич? Ей тогда казалось, что нет. Теперь – что стоял. Вот почему они переехали.

Вопросы не иссякали.

- Она где теперь живет, твоя тетя?

Но Таня только тарашилась.

– Не больно ты разговорчивая, – засмеялся Павел Андреевич. – А подружка твоя что молчит? Немая?

Люська ответила угрюмым взглядом. Она не любила таких взрослых. Улыбался Павел Андреевич по-прежнему, а в глазах – волчий огонек.

Таня только плечами смогла пожать.

- А где твоя тетя теперь работает?
- Я не знаю, – выдавила Таня.

Так вот почему тетя Вера забросила свои кисточки и краски. Вот почему нашла работу на заводе. И дядя Яша тоже. Вот почему.

– А мама твоя ей пишет? А папа? – все наседал Павел Андреевич.

В груди у Тани сердце закувыркалось – не вздохнуть. Таня поняла: значит, да! Тетя Вера знает, где мама. И где папа. Но опять помотала головой, как лошадь, которую донимают мухи.

– Ты что, не знаешь, где твоя мама? А подружка твоя? – Павел Андреевич обернулся к Люське. – Знает?

Никто в новой школе и в новой квартире не знал, что Таниных маму и папу арестовали три года назад. И с тех пор о них никто ничего не знал. «Тетя Вера знает!» – стучало у Тани в висках.

Люська ответила тупой гримасой.

– А ты где живешь теперь? А братья твои? – все капал и капал Тане на голову голос Павла Андреевича. Мягкий, липкий, ядовитый, как смола с дерева анчар. Стихотворение про анчар учили в школе наизусть.

– Я не знаю, где мама, – резко ответила Таня. – И где тетя с дядей живут – не знаю. Ни про кого не знаю.

– Как это?

– А так! Я из детдома!!! – заорала она.

Павел Андреевич отпрянул. Таня подскочила и лягнула велосипед. Цепь жалобно брякнула. Учитель ахнул. Люська плюнула на велосипед, прыснула и, хохоча, помчалась за Таней по грязноватой набережной. Ветер попробовал догнать их, но раздумал, уронил на асфальт обрывок мятой бумаги и крик Павла Андреевича «Бандитки!» – и погнал дальше одну только серую пыль.

Глава 4

Наконец момент попался подходящий: патефон водил иглой, но не мог добыть из пластинки ни звука. Только потрескивание. Оно тонуло в рокоте разговоров: вечер был в разгаре – говорили все сразу и вразнобой.

И Таня тоже задала вопрос:

– Это твоя бабушка?

Вообще-то ей наплевать было. Но портрет висел прямо перед ней. И надо было все-таки что-то сказать Коте, раз уж пришла в гости. Тем более что не нравилась ей эта Котя. И она Коте тоже не нравилась – Таня это точно знала. В таких случаях нужно быть особенно вежливой.

– Чего?! – протянула Котя.

– Вон там, – показала Таня.

Дама на портрете была словно упакована в шуршащую розовую бумагу и перетянута пополам золотым пояском. Масса взбитых надо лбом кудрей перекликалась с массой кудрявых кружев на груди.

– Понятия не имею, – легко ответила Котя. – Буржуйка какая-то.

– Эй, заводи машинку! – крикнул Витька.

– Как это? – удивилась Таня.

Котя вынула из конверта другую пластинку.

– Какая разница. Буржуев же давно прогнали.

Таня опять посмотрела на портрет. Она узнала и диван с желтой полосатой обивкой, и напольные часы. Даже обои – сейчас вытертые и побледневшие – были те же. Женщина на картине явно позировала в этой самой комнате! Только теперь здесь жила Котина семья.

– Но... – решила уточнить Таня.

И получила под столом пинок.

– Прогнали и все отдали простому народу, – бойко, как учили в школе, ответила Люська. – Все поровну поделили. Власть – народу, дворцы – рабочим.

И выразительно на Таню поглядела: зачем пристала с ерундой?

– Танцы! – выкрикнула Котя.

Все засуетились. Мальчишки стали сдвигать мебель. Ее в комнате было много, и вся тяжелая, красноватая, в завитушках. Схватились за стол. Клякнули, накреньясь, бутылки. Их тут же схватили, переставили на пол. Стол, треща ножками по паркету, отъехал к окну.

– Ой, вы его потом как было поставьте, а то мать прибьет, – пропищала Котя, расправляя локоны.

– Гляньте! – мальчишки перегнулись через стол. Все разом завопили, замахали руками. Чья-то рука уже дергала шпингалет. Окно распахнулось. Дунуло пронзительно-прохладным воздухом, ворвался равномерный хруст множества шагов, а на улицу вылетела, кувыряясь, музыка.

– Что там? Что там? – подтянулись к окну остальные.

– Слоники, – ответил Генка. И, перегнувшись через подоконник, завопил: – Эй, слоники!

Серые резиновые морды поднялись как одна. Мальчишки с хохотом присели. Таня замешкалась, так и осталась стоять. Сделалось жутко, как во сне. Пел и дудел граммофон. Напрасно он звал потанцевать – морды шагали, не останавливались. Вверх таращились без выражения одинаковые круглые глаза-иллюминаторы. Гофрированные шланги-хоботы спустились к поясу.

Таня помахала им рукой. Ей тоже кто-то махнул из строя. Жуткое ощущение прошло.

Мальчишки позади осмелели. Теперь они свистели и гикали вслед строю.

– Опять учения, – махнул рукой кто-то.

Мимо проплыл транспарант «Осоавиахим. Ленинград. 1941».

– Закрывай, закрывай, комаров напустишь! – крикнул кто-то.

Окно закрыли. Хотя какие тут комары? Самый центр города – вокруг один камень да влажный ветер с Невы.

На миг все примолкли. Слоники почему-то оставили неприятное впечатление.

– От кого обороняться-то? Финнам накостыляли, больше не сунутся. С кем еще?

– С Германией мир.

– С марсианами!

– Дурак.

– Война неизбежна, – важно, но вместе с тем задиристо объявил кто-то. – Мы в кольце капиталистических врагов.

Таня вспомнила недавний фильм в кинотеатре – «Если завтра война». Черным железным роем по натянутой простыне летели советские самолеты. Враги уже ощупывали границы, о диверсантах то и дело писали в газетах. Но советские пограничники ловили их всех. При помощи советских граждан и даже детей.

– Пусть только сунутся. Просто смешно.

Самолеты в кино это доказывали.

– Мальчик, передайте папиросы, – велел голос слева.

Папироса, правда, была на всех одна, но турецкая, с золотым пояском.

– У отца стянула, что ли?

– Моя, – соврала Котя.

Втянув дым, папиросу передавали друг другу осторожно, двумя пальцами. Выражение лица себе все придавали заправское. Хмурились, шурились сквозь клубы дыма. Про войну уже забыли. Каждый боялся опозориться – закашляться. Сизые клубы плавали под розовым абажуром.

Котя опустила иглу. Патефон задорно заиграл, закурлыкал. Неприятное чувство прошло совсем.

– Танцуют все! – объявила Котя.

Люська наклонилась к Коте, что-то зашептала. Та кивнула.

– Таня, пойдем со мной, – странным голосом сказала Люська.

– Куда? – но тут же соскользнула с тугой диванной подушки.

Они с Люськой договорились: вместе сюда приходят, вместе уходят, вместе и если что. Сейчас явно наступило «если что».

В коридоре было темно. За дверью приглушенно трубил и гремел патефон.

– Соседи-то не жалуются, – с удивлением отметила Таня.

– Дура, у них нет соседей.

– Как это?

– А так, что вся квартира их, – и Люська толкнула дверь.

– Ладно выдумывать-то, – снисходительно бросила Таня.

Соседи были у всех. Общая кухня, общая ванная, общий туалет, общий коридор, который мыли по очереди, – и много-много комнат с соседями: старыми, молодыми, тихими, крикливыми – всякими.

Люська нащупала выключатель. Зажегся свет.

– И эта комната тоже их? – не поверила Таня.

Расставил ноги мольберт. Пахло знакомо – скипидаром, маслом, красками. Так раньше пахло у тети Веры. Раньше. В прежней комнате, в окнах которой голубела гигантская опрокинутая чаша – мечеть. Пока тете Вере и дяде Яше не пришлось прятаться.

– А здесь кто живет?

– Лютик.

Таня скривилась.

– Лютик?

Лютик был братом Коти. Тощий, долговязый, с длинным толстым носом, под которым свисали толстые губы, и маленькими черными глазками у самого носа, похожий на лося. По общему приговору девочек – урод. Голос у него был тоже уродский: Лютик словно не говорил, а гудел.

– Дура, говорю же: все их! И кухня, и ванная, и коридор. Вся квартира их.

Краски... Они лежали повсюду. На подоконнике, на полу, на столе. Топорщились стоймя кисти.

Люська скинула туфли.

– И куда на таких лыжах танцевать?

Туфли были старшей сестры и держались только потому, что Люська напихала внутрь газету.

– Ты что, там снять не могла? Под столом? – напустилась на нее Таня.

– А дырки я где сниму?

Из чулок высовывались большие, не слишком чистые пальцы. Люська пошевелила ими. Нырнула под юбку, стала отстегивать и скатывать вниз чулки. «Тебя-я-я-я, Рио-Рита...» – томно звал из другой комнаты патефон. Танцевать в дырявых чулках, конечно, было нельзя.

– Что, и у Коти своя комната? – все не могла поверить Таня.

Красок у Лютика было много. «Они богатенькие», – вспомнила Таня Люськины слова. Краски в тюбиках, выдавленных и почти целых, краски в фарфоровых глазочках, в прямоугольных ванночках, в пузырьках. А вот у тети Веры не было теперь в жизни ничего хорошего. Из-за них с Шуркой и Бобкой. Из-за того, что сделали с мамой и папой. Таня испытала странное желание – взять тетю Веру «на ручки», как любил когда-то проситься Бобка. Только Бобка был маленький, мягкий, а тетя Вера – высокая, прямая, жесткая, и взять ее «на ручки» можно было бы только сложив в несколько раз, как столярный метр.

Таню осенило.

– Ну, идешь? – Люся выжидательно повернулась к Тане. Чулки она запихнула в карман.

В приоткрытую дверь уже ворвалась, запрыгала, заплясала музыка.

– Знаешь, ты иди. А я тоже чулки сниму – и за тобой.

Глава 5

Шурка знал: первым делом надо все обыскать. Нужны были факты. Твердые. Как маленький железный пистолет – он видел такой в кино. Про диверсантов. Диверсанты обманом завлекли на свою сторону советских людей.

У Шурки свело живот. Мог у тети Веры быть пистолет? Могли ее обмануть и завлечь? А если он его найдет, то что? И знает ли об этом дядя Яша? А Таня – догадывается?

Он опять обернулся. Тетя Вера спала так, будто ее сбросили на кровать с самолета. Даже туфли не сняла. От задернутых штор в комнате стоял полумрак. Так ли спит человек, чья совесть чиста? А человек, которому нет покоя даже во сне? Лицо тети Веры казалось каменным. По нему совершенно ничего нельзя было понять.

Шурка тихо-тихо подошел к комоду. Взялся за ручку. Сглотнул. Ему показалось, что он предает тетю Веру. Пальцы нерешительно погладили прохладный никелированный грибок и отпустили. «Опять трусишь, опять?!» – прикрикнул он на себя. И тут же себе объяснил, что не в этом дело. Вначале нужно спросить, подумать...

Шурка на цыпочках отошел к окну. Кашлянул, как бы обозначая, что без стука он не входит. А потом проскользнул за штору.

В комнате было прохладно и сумрачно, а здесь, на широком ленинградском подоконнике, сиял день. Таня сидела боком, привалив колени к нагретому стеклу. На коленях лежала раскрытая книга.

Сестра не подняла глаз от страницы. Шурка примостился рядом, прислонился к другому откосу, подтянул колени к груди. Посмотрел вниз, на серый тротуар и горошинки голов, потом на Таню.

– Чего? – строго спросила она, не выныривая из книги.

Первый раз Шурка попытался рассказать Тане о Вороне давно – сразу. Еще на старой квартире у мечети, когда тетя Вера только-только их с Бобкой забрала. Таня выслушала не перебивая, но...

– Просто бывает, что люди выдумывают, – сказала она.

– То есть врут? – обиделся Шурка.

– Я не говорю, что ты врешь. Но... Иногда лучше придумать и поиграть, чтобы спрятаться от того, что было вправду.

– Думаешь, я вру?!

– Ну-у... – потянула Таня. – Не совсем так. – А потом назвала его маленьким: – Маленькие все понимают по-своему.

И больше Шурка с ней о Вороне не заговаривал.

Чувствуя ухом горячее солнце, он несколько минут просто смотрел, как Таня читает. Казалось, она сидит на плоту, и его уносит от берега все дальше. Косы Таня давно остригла. От падающих углом волос на щеки ложились остренькие тени.

Шурка глядел – и вдруг подумал, что Таня совсем перестала с ним драться. Причем давно. Он не мог себе объяснить, почему это плохо.

– Как ты думаешь, тетю Веру можно напугать? – он сделал вид, что смотрит вниз.

Таня выразительно хмыкнула, не отрываясь от страниц.

– Думаешь сигануть в окно? Зря. Только ногу сломаешь.

– Ну хорошо. Не напугать, а запутать.

– Нет. Она женщина с веслом.

Шурка вспомнил фигуру в парке культуры и отдыха на Елагином. У нее были большие плечи и большие тусы, и называлась она «Девушка с веслом». Тетя Вера ничуть на нее не похожа.

– Ты ей слово, а она тебя трах веслом! – пояснила Таня, придерживая книгу.

– Это да, – признал Шурка.

Тетю Веру с ее веслом Ворон мог разве что погубить, подумал он. И раз тетя Вера пока еще ходит на работу, ест, спит и никуда не пропала, это может значить только одно: она готовит Ворону месть.

Между прочим, она-то Шурке поверила тогда сразу. Про Ворона. И про Серый дом. Поверила: Шурка видел. Поверила – и обозлилась.

Эх, спросить бы Таню.

От подоконника пахло горячим деревом.

– Сидим здесь, как огурцы в теплице, – нарочно весело сказал Шурка.

Сестра не ответила.

– Таня, – тихо позвал Шурка.

Та подняла глаза от страницы.

– Ты что-то совсем перестала интересоваться птицами, – сделал он первый шаг. К теме Ворона идти следовало на цыпочках.

Таня вернулась к чтению.

– Они прекрасно сами о себе заботятся. Ничей интерес им не нужен.

И перевернула страницу, как будто оставив Шурку на предыдущей.

Глава 6

Тетя Вера потерла ухо, сонно поглядела. На щеке у нее алела вмятина от подушки.

– Таня, ты что, ополоумела? Который час?

Повернула к себе круглое личико будильника и застонала:

– Ох.

Упала на подушку, словно это поможет провалиться обратно в сон. Тетя Вера теперь так жила: спала, ела, на бегу делала что-то по дому, убегала на работу, прибегала с работы, снова спала.

– Таня, – пробормотала она, – я еще час могла бы поспать перед вечерней сменой.

Но Таня быстро обняла ее и снова дунула в ухо.

Тетя рывком села.

– Таня, ты что?!

– А вот что!

Шурка увидел металлическую коробочку.

– Что там? Что там? – засуетился он.

Тетя Вера смотрела то на коробочку, то Тане в лицо.

Недоверчиво взяла. Щелкнула крышкой.

Шурка встал на цыпочки и увидел краски в фарфоровых сотах.

– А это у тебя еще откуда? – удивился он.

– Купила. На обедах в школе сэкономила – и купила, – небрежно ответила сестра. И снова повернулась к тете.

– Сэкономила? – поразился Шурка.

«Ну Танька... Кремень», – с уважением подумал он. Ему стало немного обидно. Таня, конечно, молодец, но зачем дарить подарки взрослым? Они все равно не умеют им радоваться. Весь вид тети Веры об этом говорил. Тонкие губы сжались. Меж бровей легла морщинка.

– Я подумала, что... – замялась Таня и небрежно добавила: – Зря ты больше не рисуешь.

Но голос ее выдал.

Тетя Вера смотрела в разноцветные акварельные глазки. Поняла ли она? – беспокоилась Таня.

– Ты зря это сделала, Таня, – строго начала тетя Вера. – Не рисую я, потому что у меня теперь другая работа. Ничуть не хуже прежней. И не стоило экономить на обедах. Ты должна, хм, питаться – белки, жиры, углеводы и так далее. – Голос ее стал плясать вместе с коробочкой, стал крошиться и таять. – Но мне приятно, да... Мне приятно.

Коробочку с красками тетя Вера поставила в центре стола. Она улыбалась. И даже не выглядела такой серой и усталой, как обычно.

– Давайте уже поедим, – заныла Таня. – Сколько можно дядю Яшу ждать! Он, может, застрял там, в этой очереди.

– Ну нет, – заупрямилась тетя Вера. – Все вместе за столом!

Парусом взмыла и опала скатерть, обдала всех запахом утюга и крахмала. Шурке ветерком взметнуло волосы.

Ужалили три коротких звонка. К ним! Шурка тотчас съехал со стула. Ошибки быть не могло: на общей входной двери у каждой комнаты была своя табличка – кому из соседей как звонить. Опять три звонка.

– Вот! – тетя Вера обогнала Шурку, легонько затолкнула обратно в комнату.

Было ясно: руки у дяди заняты покупками. Иначе бы он открыл своим ключом. А так он звонил и звонил. Видимо, носом. И тетя Вера побежала открывать.

В коридоре загудел голос.

– Это не дядя! – удивился Шурка. По спине словно провели ледяным пальцем.
Таня тоже глядела на дверь. Покраснела до самого лба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.